

HISTORIA
ROSSICA

Павел Шаблей
Паоло Сартори

Дело Мансурова

ИМПЕРИЯ И СУФИЗМ
В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

2025

УДК 322(091)(47+57)«18»

ББК 63.3(2)521-38

Ш13

Редакционная коллегия серии

HISTORIA ROSSICA

*С. Абашин, Е. Анисимов, О. Будницкий, А. Зорин, А. Каменский,
Б. Колоницкий, А. Миллер, Е. Правилова, Ю. Слэзкин, Р. Уортман*

Редактор серии *И. Мартынюк*

Шаблей, П.; Сартори, П.

Ш13 Дело Мансурова: империя и суфизм в Казахской степи / Павел Шаблей, Паоло Сартори. — М.: Новое литературное обозрение, 2025. — 224 с.: ил. (Серия Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-2645-4

В мае 1854 года российские имперские власти арестовали ишана Мухамада Шарифа Мансурова по подозрению в заговорческих замыслах. Длившееся около девяти лет следствие породило информационную панику и слухи о возможных массовых беспорядках в Казахской степи на религиозной почве и привлекло публичное внимание, в том числе и со стороны правящих кругов. Почему фигура суфия Мансурова так интересовала колониальную администрацию и чем он представлял опасность? Какими знаниями о суфизме в Казахской степи в конце XVIII — первой половине XIX века обладали правительственные чиновники? Отличалось ли их восприятие этого исламского религиозного течения определенной объективностью или же опиралось на стереотипы и фантазии ориенталистского характера? В поисках ответов на эти вопросы П. Шаблей и П. Сартори обращаются к истории возникновения и контексту этого драматического дела. Анализируя его документальную основу и выводы привлеченных к следствию экспертов, авторы книги показывают, как дело Мансурова очерчивало изъяны российской колониальной системы управления и демонстрировало отсутствие последовательности у имперской политики по отношению к исламу и суфизму. Павел Шаблей — к. и. н., доцент Костанайского филиала Челябинского государственного университета; Паоло Сартори — сотрудник Академии наук Австрии, редактор журнала *Journal of the Economic and Social History of the Orient*.

УДК 322(091)(47+57)«18»

ББК 63.3(2)521-38

На обложке: Казахский групповой портрет. Дагеротип Ю. Венингера. Конец 1840-х годов. Из кн.: *Russia's Unknown Orient: Orientalist Painting 1850–1920* / Ed. by Patty Wageman and Inessa Kouteinikova. Groningen and Rotterdam, 2010. P. 64.

© П. Шаблей, П. Сартори, 2025

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2025

© ООО «Новое литературное обозрение», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
<i>Глава 1. В плену иллюзий: имперские стереотипы о суфизме и их альтернативы</i>	26
Дервиши, святые, лжепророки: колониальные категории и их фрагментарность	26
Призрак мюридизма: ориентализм и Северный Кавказ	31
Казахская степь: новые знания и/или прежние предрассудки	37
Эмическая перспектива	45
<i>Глава 2. Информационная паника и рождение нового «колониального монстра»</i>	55
Истоки дела Мансурова: политический контекст, местные акторы и административная инерция	55
«Плохой» vs. «хороший» суфизм: имперская конструкция и ее протагонисты	69
Требуется «чиновник опытный, знакомый с этим краем, языком и обычаями жителей»: В. К. Ивашкевич в Казахской степи	73
<i>Глава 3. Трудности перевода и/или разная агентность</i>	93
«Увлекает народ какими-то сделанными у него на руках изображениями»: новая имперская химера и/или бесполезная экспертиза	93
Переводческие практики и их ограничения	100
«Настоящие таланты остаются незамеченными»: востоковедческое знание vs. колониальное невежество	114
Оренбургское магометанское духовное собрание и суфизм	118
Запрещенная vs. дозволенная литература: состав и назначение книжной коллекции Мансурова	125
Итоги следствия: драматическая развязка и/или предсказуемый финал	130
<i>Глава 4. Суфизм, колониальный архив и общественно-политические изменения второй половины XIX — начала XX века</i>	135
«Власть придает словам отпечаток правды»: случай Ч. Ч. Валиханова	135
«Можно ли будет устроить миссии между всеми киргизами вообще»: дело Мансурова в контексте проблемы христианизации степи	147
«Схватить проповедника и отправить в Омск за самым строгим караулом»: чем примечателен новый виток борьбы империи со среднеазиатскими ишанами?	159

Заключение	174
Приложение	179
Глоссарий	194
Список сокращений	197
Библиография	198
Указатель имен	213

ВВЕДЕНИЕ

В октябре 1853 года генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорт (занимал эту должность с 1851 по 1861 год) в секретном отношении министру внутренних дел Д.Г. Бибикову сообщал, что в Казахской степи сибирского ведомства с недавнего времени стали появляться из «соседственных азиатских государств» подозрительные лица, называющие себя ишанами и «не получившие на это право от нашего магометанского духовного начальства»¹. Ссылаясь на постановление 1848 года, запрещающее въезжать на территорию Российской империи лицам, получившим духовное звание за границей², чиновник доводил до сведения своего начальства, что уже отдал приказ о задержании «двух магометанских проповедников»: казаха Кокчетавского округа Майлыбая, который обучался у ишана Ходжи-Кенджи³ на Амударье, и ташкентца Мухаммада Шарифа Мансурова, получившего *иджазу*⁴ от бухарского ишана Мухаммада Халифы Хусейна⁵. Некоторое время спустя, в декабре

¹ Речь идет об Оренбургском магометанском духовном собрании (ОМДС), созданном в 1788 году по указу Екатерины II. Это учреждение, наряду с другими своими обязанностями, должно было принимать экзамен у мусульман, которые хотели получить должность имама или ахуна (*ахунд*). Таким образом, власти стремились ограничить влияние так называемых частных мулл. См.: Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа: Гилем, 1999. С. 17–21; Записки Д. Б. Мертваго // Русский архив. 1867. № 8–9. С. 43–44.

² ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3658. Л. 2 об., 7–8.

³ Не установленная нами личность.

⁴ В суфизме *иджаза* — это свидетельство правомочности нового учителя (*шайха*). Оно дает ученику гарантию, что человек, которому он вверяет себя, имеет право на проведение обряда посвящения и духовное руководство. См.: Bonebakker S. A. Idjaza // The Encyclopedia of Islam / Ed. by B. Lewis, V. L. Ménage, Ch. Pellat and J. Schacht. New Edition. Leiden; London: Brill, 1986. Vol. 3. P. 1020–1022.

⁵ Влиятельный суфийский шейх, который основал собственное направление *Накишбандийя-Муджаддидийя-Хусайнийя*. Это течение имело некоторые

1853 года, эти два случая были объединены в одну историю. Главным ее фигурантом стал Мухаммад Шариф Мансуров. Задействовав широкий круг своей агентуры — кочевые казахи, толмачи, чиновники внешних округов, купцы, Гасфорт получал разнообразную, хоть и фрагментарную информацию о том, что Мансуров распространяет «какое-то новое учение», «увлекает народ какими-то сделанными у него на руках изображениями», посещает «турецкие владения», совершает непонятные обряды и пр. Учение этого «лжепророка», согласно таким данным, распространилось стремительно: оно охватило территорию Акмолинского, Кокчетавского и Кушмурунского округов¹. Информационная паника² активизировала волну подозрений, страха и арестов. Были задержаны крупные представители местных религиозных кругов и лица, сопровождавшие Мансурова. Под подозрение попала и казахская управленческая элита: старший султан Кокчетавского округа Абулхаир Габбасов, волостной управитель Пиралы Габбасов, старший султан Акмолинского округа Арслан Худаймендин, султан А. Аблаев и др. Все эти люди обвинялись «...в каких-то тайных и вредных сношениях» с Мансуровым, которые могли привести к разным «противозаконным поступкам»³. Так начиналась необычайная по своему масштабу

доктринальные отличия от других ветвей накшбандийского тариката. Приверженцы *Хусайнийя* придерживались не только тихого, но и громкого *зикра* (обряд, заключающийся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей прославление Аллаха). Ритуал посвящения (инициации) благодаря своей простоте способствовал необыкновенной популярности этой ветви *Накшбандийя-Муджадидийя* среди кочевых и оседлых этнических групп Средней Азии. См.: *Babadžanov B. On the History of the Naqshbandiya Mujaddidiya in Central Māwarānnaḥr in the Late 18th and Early 19th Centuries // Muslim Culture in Russia and Central Asia from 18th to the Early 20th Centuries / Ed. by M. Kemper, A. von Kügelgen, D. Yermakov. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 1996. P. 400–402.*

¹ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3644: «По отношению штаба Отдельного Сибирского корпуса с делом об азиатце Мансурове, проповедующем в киргизской степи новое магометанское учение» (1854–1859). Л. 78–79 об., 114–115.

² Понятие, разработанное Кристофером Бейли на основе изучения британской колониальной политики в Индии. См.: *Bayly Ch. A. Empire and Information: Intelligence Gathering and Social Communication in India. 1780–1870. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 3–6, 165–178.*

³ ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 336: «Дело по обвинению Мухаммад Мансурова в распространении учения ислама среди казахского населения Кокчетавского и Кушмурунских округов» (1853–1861). Л. 27, 51, 80–82.

и характеру история, вызванная попыткой придать большой размах идее политизации суфизма в Казахской степи, связав ее с самыми разнообразными внутри- и внешнеполитическими проблемами. Следствие велось на протяжении более девяти лет, и его материалы составили не менее тринадцати томов¹.

К делу Мансурова было привлечено колоссальное внимание, причем не только со стороны разных чиновников колониальной администрации и правительственных ведомств Санкт-Петербурга: за его ходом следили и при дворе. Почему же эта история вызвала такой резонанс? Неужели власти только к середине XIX века пришли к осознанию того, что суфизм представляет какие-то политические угрозы для империи — может спровоцировать антиколониальные движения, вызвать рост религиозного фанатизма среди «поверхностно исламизированных казахов»², помешать реализации планов по осуществлению политики русификации³ и др.? Именно такой подход к анализу рассматриваемых событий получил распространение в предшествующей историографии.

¹ Эти выводы мы сделали на основании ревизии, произведенной Областным правлением Сибирскими казахами в 1858 году. См.: Там же. Л. 625–628.

² Представление о том, что казахи только поверхностно усвоили основы ислама и их религия представляет собой смесь языческих верований и мусульманства, было очень популярно среди российской колониальной администрации и интеллектуальных кругов — особенно в конце XVIII — первой половине XIX в. См.: *Рычков Н. П.* Дневные записки путешествия в Киргиз-Кайсацкую степь в 1771 г. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1772. С. 25–26; *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 3. СПб.: Типография К. Крайла, 1832. С. 52–53; *Ястребов М.* Киргизские шаманы. Отрывок из записной книжки // Москвитянин. 1851. Кн. 2. № 8. С. 301–311; *Герман Ф. И.* О киргизах // Вестник Европы. 1822. Ч. 122. № 3. С. 218.

³ Русификация в контексте описываемых событий рассматривается только в качестве идеи и намерения властей (широкое распространение русского языка, христианизация, развитие оседло-земледельческой культуры), а не объективного процесса. Об особенностях этого понятия и соответствующей политике см.: *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 54–77; *Staliūnas D.* Making Russians: Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863. Amsterdam; New York: Rodopi, 2007. P. 15. Проекты по христианизации казахов и распространению русского языка в степи были актуальны уже в первой половине XIX века. См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 126: «О мерах к распространению среди киргизов знания русского языка» (1827); ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 68: «Об установлении надзора за казахами, принимающими христианство» (1847).

Дело Мансурова при этом помещается в рамки нарратива о смене государственной политики по отношению к исламу в Казахской степи в середине XIX века¹. Ключевые выводы таких работ состоят в том, что империя строила свои взаимоотношения с мусульманами на основе каких-то устойчивых принципов; их авторы прослеживают последовательность реформаторских действий и административных мер, а также определенную эволюцию культурного и политического восприятия ислама². Согласно этой точке зрения, период правления Екатерины II ознаменовался введением принципов веротерпимости в государственную политику. Мусульманам стала отводиться роль посредников, соратников и агентов империи, которая использовала их для реализации задач самой широкой значимости: развитие торговли и коммерции в приграничных регионах, укрепление гражданственности и цивилизованности среди казахов посредством татарских мулл и пр. Считается, что в 1840–1850-е годы такого рода политика претерпевает кардинальные изменения. Движение имама Шамиля на Кавказе, антиколониальные выступления в Северной Африке, возглавляемые харизматическими суфийскими лидерами, а также ряд внутренних проблем обостряют риторику, связанную с угрозами распространения мусульманского фанатизма, татаризации кочевников Казахской степи и др. В итоге образ мусульманина приобретает заметно выраженный негативный характер³.

¹ См.: *Ремнев А. В.* Российская империя и ислам в Казахской степи (60–80-е годы XIX в.) // *Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы.* Вып. 32. М.: Наука, 2006. С. 241; *Постников А. В.* Изменения в национальном (этническом) самосознании («идентичности») народов порубежья («фронтира») в процессе создания центральноазиатских владений в XIX в. // *Идентичность и география в постсоветской России: Сб. науч. статей /* Науч. ред. М. Бассин, К. Э. Аксенов. СПб.: Геликон Плюс, 2003. С. 38–40.

² *Crews R. D.* For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006. P. 192–240; *Нургалиева А. М.* Очерки по истории ислама в Казахстане. Алматы: Дайк-Пресс, 2005; *Она же.* О влиянии правительственной конфессиональной политики на процесс исламизации казахов в XVIII–XIX вв. // *История народов России в исследованиях и документах.* М.: ИРИ РАН, 2009. Вып. 3. С. 135–161; *Сухих О. Е.* Образ казахакочевника в русской общественно-политической мысли в конце XVIII — первой половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007.

³ *Ремнев А. В.* Татары в Казахской степи: соратники и соперники Российской империи // *Вестник Евразии.* 2006. № 4. С. 5–31; *Айтбаева Р. Т.* Государственная политика Российской империи по отношению к исламу в Казахстане в XIX в.:

Интерпретации исторических событий, основанные на попытках найти в государственной политике по отношению к исламу какую-то последовательность и закономерность, носят, на наш взгляд, несколько упрощенный характер. Прежде всего, не следует идеализировать идеологию Екатерининской эпохи, выстраивая прямую связь между совокупностью идей правящего двора — зачастую умозрительных и мифологических¹ — и характером мер, принимаемых для решения конкретных и специфических региональных вопросов. Иницируя одни проекты, направленные на укрепление российского влияния в Казахской степи с помощью отправки татарских мулл, строительства мечетей и покровительства азиатской торговле, Екатерина II в то же время проводила достаточно жесткую и репрессивную политику по отношению к мусульманам Кавказа². Такого рода действия говорят не об амбивалентности и двойственности³ — подход,

Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2006; *Каримов Т.А.* Политика Российского правительства и татарские муллы в северо-западных казахских землях (вторая половина XVIII — начало XX вв.) // *Источники существования мусульманских институтов в Российской империи: Сб. статей / Сост. и отв. ред. И.К. Загидуллин.* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 144–162; *Мацузато К.* Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // *Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Науч. ред. А.М. Семенов, И.В. Герасимов, М.Б. Могильнер, А. Каплуновский, С.В. Глебов.* Казань: Центр Исследований Национализма и Империи, 2004. С. 450–451.

¹ *Проскурина В.* Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение, 2006; *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 344–345.

² В 1785–1791 годах российские войска жестко подавляют антиколониальное движение шейха Мансура (*шайх Ушурма*), которое охватило ряд территорий Кавказа (Чечня, Кабарда, Дагестан). При этом руководитель движения объявляется чиновниками «лжепророком» и «турецким шпионом», а его религиозные идеи (основанные на доктрине суфийского ордена *Накибандийя-Муджадидийя*) воспринимались как «ложные» и политически опасные. См.: *Бенигсен А.* Народное движение на Кавказе в XVIII в. («Священная война» шейха Мансура (1785–1791 гг.). Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях). Махачкала: б. и., 1994. С. 18–42).

³ Мы не исключаем присутствие таких тенденций в имперской политике, однако не абсолютизируем их значимость, хотя бы потому, что поступки некоторых чиновников, связанные с критикой действий своих предшественников или сослуживцев, не обязательно указывают на наличие каких-то осознанных решений и существование альтернативных подходов к управлению. Интриги

который историки нередко используют для того, чтобы найти какое-то адекватное объяснение некоторым сложным, с их точки зрения, взаимоотношениям между мусульманами и империей¹, — сколько о прагматизме и стратегических соображениях. Например, необходимость вытеснения некоторых народов Кавказа со своей территории в первой половине XIX века вряд ли имела отношение к нарративу о русском национализме, угрозе джихада и ассимиляции: в действительности государство готовилось к очередной войне с Османской империей и стремилось создать более прочный плацдарм для укрепления своего геополитического влияния на Ближнем и Среднем Востоке².

Развивая идеи официального политического курса самодержавия и отмечая приверженность имперских властей определенным принципам, необходимым для его реализации, историки нередко переоценивают согласованность действий между региональной администрацией и Санкт-Петербургом³. В действительности некоторые проекты, предложенные правительством, так и не были реализованы — например, идея кодификации казахского обычного права (*адата*). Чиновники разных ведомств не

и борьба за власть, а также невежество, способное доводить некоторые фантазии до абсурда, порой играли не менее важную роль.

¹ Каппелер А. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. 2003. № 7. С. 129–135.

² См.: Миллер А. И. Империя и нация в воображении русского национализма. Взгляд историка. <https://polit.ru/article/2005/04/14/miller/> (последнее обращение: 30.12.2024).

³ Здесь мы не следуем буквально за идеей А. Моррисона об «официальном мышлении» («official mind»), предполагающей тщательное планирование и согласование мер по осуществлению колониальной политики. См.: Morrison A. The Russian Conquest of Central Asia: A Study of Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 23. Такой подход несколько упрощает наше представление о действительности: человеческий фактор и несбалансированность бюрократической системы играли не менее важную роль. Имперские чиновники в Санкт-Петербурге и регионах могли манипулировать той или иной информацией, образовывать альянсы и временные союзы друг с другом, использовать разные коррупционные схемы для того, чтобы продвинуть свои идеи или, наоборот, помешать проектам своих соперников. См.: Саптори П., Шаблей П. Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 127–136. См. об этом на примере европейской истории: McLean P. The Art of the Network: Strategic Interaction and Patronage in Renaissance Florence. Durham, NC: Duke University Press, 2007.

только имели свои представления о том, что такое «народные обычаи» казахов¹, но и сталкивались с разными бюрократическими сложностями, препятствовавшими выработке общих подходов. Если Министерство иностранных дел (далее — МИД) делало ставку на специальный совет из старшин, то Оренбургская пограничная комиссия (далее — ОПК) отдавала предпочтение суду биев как наиболее эффективному с ее точки зрения институту, способному использовать подготовленные кодексы для разбора исков местного населения. Со временем проект кодификации утратил свою актуальность и растворился в массиве бюрократических и политических изменений².

Наряду с вышеизложенными особенностями прояснения требует и другой, не менее значимый момент. Рассматривая действия разных государственных учреждений по отношению к исламу — ограничение деятельности мулл, не получивших указ ОмДС, закрытие нелегальных мечетей, запрет на распространение религиозных практик, не согласующихся с шариатом, и пр., — некоторые исследователи помещают суфизм в контекст этих процессов³. Это предполагает наличие среди чиновников определенного уровня компетентности в вопросах, касающихся особенностей мусульманских течений и специфики доктринальных положений, а также существование знаний и законов, позволявших различать и контролировать деятельность разных групп и общин⁴. Однако мы не должны забывать, что суфизм, в отличие

¹ Если востоковед, председатель ОПК В. В. Григорьев воспринимал адат в качестве архаического наследия «исконно киргизских обычаев», то его подчиненный, другой востоковед, И. Я. Осмоловский рассматривал казахскую правовую культуру с помощью иного подхода: обычное право кочевников под воздействием внутренних и внешних факторов трансформировалось и стало неотъемлемой частью исламской правовой культуры. См.: *Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи*. С. 111–124.

² Там же. С. 129, 132–133.

³ *Ремнев А. В. Российская империя и ислам в Казахской степи*. С. 241.

⁴ Мы же видим совершенно иную картину: не только в деле Мансурова, но и в других случаях, не имевших никакого отношения к суфизму и исламу, чиновники использовали набор понятий и суждений, заимствованных из христианской истории: «лжесвятой», «религиозный раскол», «секта» и пр. См.: *Crews R. D. For Prophet and Tsar*. P. 136–137. Подобная риторика была характерна и для европейцев, описывавших так называемые «туземные религии». См.: *Subrahmanyam S. Europe's India: Words, People, Empires, 1500–1800*.

от многих исламских институтов (мулл, мечетей, вакфов), не был институционализирован (особенно на правовом уровне)¹. Эпизодически имея дело и сталкиваясь с дервишами, ишанами, мюридами, власти не всегда могли отличить их от обычных мулл, шаманов, баксы² и других социокультурных элементов местного общества. В итоге одни истории ускользали от внимания чиновников, не оставляя какого-либо архивного следа, другие же, наоборот, благодаря стечению разных обстоятельств (сведения местных информаторов, амбиции и стереотипы управленческой верхушки и пр.) могли получить самый широкий политический резонанс. Если дело Мансурова появляется на фоне российско-го продвижения в Среднюю Азию и обострения угроз антиколониальных протестов среди казахов, то арест Дукчи Ишана (настоящее имя — Мухаммад-‘Али) и его сторонников в конце XIX — начале XX века — это совершенно другой ракурс колониальной истории. Попытка организации вооруженного выступления в Андижане в 1898 году, не приведшая к большим жертвам, тем не менее произвела масштабный политический эффект. Аресты так называемых последователей Дукчи Ишана на территории современного Узбекистана и Южного Казахстана должны были подчеркнуть связь этого выступления с угрозой глобальной политической значимости — панисламистским движением³.

Cambridge, MA: Harvard University Press, 2017. P. 29, 103–143. Устойчивое проявление такого формализованного языка нельзя сводить только к невежеству абсолютного большинства чиновников. Как показывает Энн Столер на примере Голландской колониальной империи, местные административные деятели сознательно искажали в своих отчетах ситуацию на местах, используя категории и суждения, адаптированные к культурным представлениям правящего двора. См.: *Stoler A. L. Along the Archival Grain: Epistemic Anxieties and Colonial Common Sense*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2009. P. 56, 82–87.

¹ Отдельные нормативные регламенты, имевшие отношение к суфизму, все же появились в 1830-е годы. Однако они распространялись только на дервишей. См.: Положение Комитета министров «О воспрещении принимать дервишей в подданство России», 18 февраля 1836 г. // *Ислам в Российской империи: законодательные акты, описания, статистика* / Сост. Д.Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. С. 119.

² Термин *баксы* и его производные встречаются в разных тюркских языках. В казахском языке он обычно сводится к значениям «знахарь», «учитель», «наставник».

³ См.: *Morrison A. Sufism, Panislamism and Information Panic. Nil Sergeevich Lykoshin and the Aftermath of the Andijan Uprising // Past and Present*. 2012.

Уделяя внимание анализу существующей историографии, связанной с изучением государственной политики по отношению к исламу и суфизму, мы стремимся показать, что исследователи часто идеализируют содержание колониального архива и в результате этого воспринимают отчеты чиновников и логику изложения материала в этих документах в качестве силы, превращающей оценки и интерпретации отдельных событий в квалифицированное знание¹. Однако это не так. Документы содержат не только множество умолчаний, но и распадаются на фрагменты и конгломераты информации, которые сложно соединить и понять, если не изучать внимательно контекст, биографии чиновников, востоковедов и мир идей, отношений и культуры, которая их сотворила. Дело Мансурова в этом отношении не является исключением: как мы увидим, оно не развивалось по какому-то определенному, последовательному и предсказуемому сценарию. Множество условностей, которые власти не могли предвидеть, оказывали непосредственное влияние на ход следственных мероприятий. Так, Гасфорт спустя некоторое время после ареста Мансурова стал понимать, что это дело представляет собой более сложную и запутанную историю, чем ему казалось в самом начале расследования. Наличие значительного количества писем, рукописей и книг на разных восточных языках, изъятых у ишана, и осознание того, что для реализации своих планов и интересов Мансуров успешно преодолевал разные правовые и бюрократические ограничения, установленные империей, как и другие обстоятельства, заставили генерал-губернатора обратиться за помощью к экспертам и специалистам из разных сфер деятельности: чиновникам, имеющим многолетний опыт службы в Казахской степи, переводчикам, востоковедам, муллам, ОМДС. Учитывая вышеизложенные особенности, в центре нашего исследования будет рассмотрено то, как колониальная администрация пыталась с помощью разнообразных ресурсов преодолеть собственное

№ 214. P. 255–304. О панисламизме и особенностях его артикуляции в различных контекстах см.: *Aydin C. The Idea of the Muslim World: A Global Intellectual History*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2017.

¹ *Stoler A. L. Along the Archival Grain*. P. 20.

невежество¹ в области суфизма и с какими трудностями и противоречиями она столкнулась на этом пути.

Некоторое удивление, возможно, вызовет то обстоятельство, что деятельность экспертов и специалистов не развеяла сомнения властей. Каждый из участников следственного процесса находил свои оправдания сложившемуся положению вещей: востоковеды и переводчики ссылались на недостаточное знание определенных восточных языков, члены ОМДС — на бюрократическую рутину, отнимавшую у них значительное количество времени. Некоторые чиновники намекали на то, что расследование, инициированное Гасфортом, не имеет перспективы, так как основывается на административной инерции, непроверенной информации и каких-то общих представлениях о суфизме. Почему дело Мансурова столкнулось с такими противоречиями? Было ли это связано с тем, что Российская империя не смогла к середине XIX века подготовить достаточное число экспертов, которые помогли бы властям разъяснить некоторые специфические особенности ислама и суфизма? Конечно, знание было важным ресурсом для управления империей, особенно если учитывать обширность территорий, населенных мусульманами (Кавказ, Волго-Уральский регион, Казахская степь, Средняя Азия). Однако накопление определенной информации могло вступать в прямое противоречие с характером ее использования. Чтение дела Мансурова производит впечатление, что власти просто проигнорировали или не заметили существовавшие на тот момент времени делопроизводственные, публицистические и научные материалы о суфизме и исламе². Учитывая все эти особенности, становится очевидно: мы не сможем понять специфику этой неоднозначной и запутанной истории, если будем абсолютизировать значение таких понятий, как «знание» или «незнание». С одной стороны,

¹ Невежество не сводится нами только к банальному отсутствию знаний или необразованности, но и включает в себя различные формы игнорирования знания, попытки уточнения и преодоления незнания, а также практики документации, которые из-за особенностей своего языка и сюжетного однообразия создают очень ограниченное представление о контексте и исторической динамике. См. об этом: *Zwierlein C. Imperial Unknowns: The French and British in the Mediterranean, 1650–1750. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 2.*

² Об особенностях этой продукции мы расскажем в главе 1.

как справедливо заметил на примере европейского восприятия Индии в XVI–XVIII веках Санджей Субрахманьям, существует сложная взаимосвязь между сбором информации и ее репрезентацией, между накоплением знаний и их систематизацией¹. С другой стороны, невежество и знание не могут быть бескомпромиссно противопоставлены друг другу, потому что охватывают определенные и ограниченные пространства социальной, политической и религиозной жизни. Каждое из этих понятий, взятое по отдельности, не представляет собой аналитической модели, позволяющей понять развитие бюрократической системы или колониализма в целом². Обычные люди, как и чиновники, живут в мире разных культурных условностей, интересов, выбора предпочтительной стратегии поведения. Именно поэтому наличие востоковедов или других экспертов не было достаточным условием, чтобы эффективно разрешить сомнения администрации по поводу личности Мансурова и его деятельности. Не все ученые связывали свою карьеру и будущее с колониальной политикой (идея цивилизационной миссии, русификация, репрессивные меры по отношению к татарским и среднеазиатским муллам и пр.). К тому же и сама бюрократическая система, развитие которой в значительной степени зависело от личных связей, лояльности, меркантильности, могла пренебрегать образованными переводчиками и востоковедами.

Сюжет нашей книги не ограничивается перипетиями следствия и тем, как чиновники с помощью экспертов пытались разобраться с делом Мансурова и понять некоторые особенности

¹ Границы между так называемым «достоверным» знанием и областью фантазий были довольно подвижны не только потому, что одновременно могли существовать несколько противоречивых и разнообразных описаний, но и в силу сложности самих культурных и социальных явлений, специфику которых очень долго не могли понять европейцы. Среди таковых было, например, понятие «каста». См.: *Subrahmanyam S. Europe's India*. P. 36–44, 90–102.

² Отсутствие компетентности в вопросах, связанных с исламом и суфизмом, конечно, не проливает свет на общее состояние дел в колониальной администрации. Так, например, уже в первой половине XIX века чиновники имели отчетливые представления о казахской родо-племенной структуре и хозяйственной системе. Эти знания, как правило, формировались благодаря переписям населения и скота, которые проводились ежегодно. См.: ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1011: «Об исчислении казахского населения и скота внешних округов для обложения их ясаком» (1842–1846).

суфизма. Контекст этой истории — широкий географический охват, палитра мнений чиновников на те или иные вопросы и столкновение интересов представителей бюрократического аппарата, религиозных кругов, казахской элиты, специфика коммуникаций среди мусульман — позволяет говорить о том, что жители Казахской степи не воспринимали колониализм однообразно. Мусульмане гибко адаптировались к имперским преобразованиям и часто использовали бюрократическую систему, свое понимание особенностей текущей конъюнктуры, невежество чиновников в вопросах ислама и суфизма как ресурс для борьбы за власть и авторитет среди местных сообществ¹. Доносы, петиции казахов, татар или сартов, содержавшие политическую риторику о «лжепророках» и «новых учениях», были распространенным явлением². Такого рода поведение отражало не столько эффект сближения (между колонизаторами и колонизируемыми), сколько широкий круг возможностей и стратегий, которые стремилась использовать каждая из сторон для достижения своих интересов³. С этой точки зрения репрессии властей по отношению к суфийским деятелям не носили безусловного характера. Представляя некоторых ишанов в качестве фанатиков и политически опасных элементов, чиновники в то же время могли предоставлять разного рода привилегии представителям группы *кожа* (перс. *хваджа* — «хозяин», «господин»), понимая, что они играют большую роль в политической, социальной, экономической и культурной жизни Казахской степи⁴. Эта привилегированная

¹ Более подробно об особенностях культурных изменений среди мусульман Средней Азии, сформировавшихся под влиянием русского колониализма, см.: Sartori P. *Vision of Justice: Sharī'a and Cultural Change in Russian Central Asia*. Leiden; Boston: Brill, 2016.

² Согласно Даниэлле Росс, такая риторика использовалась мусульманами Российской империи по крайней мере уже в начале XIX века. См.: Ross D. *Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 2020. P. 56–60.

³ Наши соображения очень близки к идеям, высказанным Санджеем Субрахманьямом. См.: *Subrahmanyam S. Courtly Encounters: Translating Courtliness and Violence in Early Modern Eurasia (Mary Flexner Lectures)*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012. P. 25–30.

⁴ Одним из таких влиятельных людей был тесть хана Внутренней казахской орды Джангира (годы правления: 1823–1845) есаул Караул-кожа Бабаджанов (годы жизни: 1775–1850). Он управлял 1-й частью приморских казахов,

группа, получившая широкое распространение в Средней Азии, Казахской степи и Волго-Уральском регионе, имела отношение к суфизму¹; по одной из версий, считалось, что ходжи являются потомками местных суфийских святых². Так или иначе, но многие имперские источники — особенно сборники казахского обычного права³ — не обращали внимания на эту особенность⁴.

Несколько слов следует сказать о методологии настоящего исследования. Мы развиваем идею эпистемологической относительности, потому что документы, хранящиеся в архивах, знания востоковедов или переводчиков могли игнорироваться со стороны имперских чиновников или использоваться выборочно

а с 1834 года — большинством подразделений кочевников рода адай. См.: История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: Сб. документов и материалов / Сост. Б. Т. Жанаев, В. И. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 950–951.

¹ Islamization and Sacred Lineages in Central Asia: The Legacy of Ishaq Bab in Narrative and Genealogical Traditions / Ed. by D. DeWeese, A. Muminov, M. Kemper, A. von Kügelgen. Almaty; Bern; Tashkent; Bloomington: Дайк-Пресс, 2013. Vol. 2. Genealogical Charters and Sacred Families: Nasab-Namas and Khojas Groups Linked to the Ishaq Bab Narrative, 19th–21st Centuries. P. 25–33. Как показывает в своих исследованиях Аллен Франк, среднеазиатские ишаны обычно принадлежали к группе ходжей. Исламовед считает, что в XIX веке понятия «ходжа» и «ишан» могли восприниматься мусульманами равнозначно. См.: Frank A. J. Gulag Miracles: Sufis and Stalinist Repressions in Kazakhstan. Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2019. P. 34.

² *Басилов В. Н.* О происхождении туркмен-ата (простонародные формы среднеазиатского суфизма) // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии / Отв. ред. Г. П. Снесарев, В. Н. Басилов. М.: Наука (ГРВЛ), 1975. С. 163.

³ Так, сборник, подготовленный востоковедом и чиновником ОПК И. Я. Осмоловским, содержит весьма незначительную информацию о ходжах, подчеркивая, что эта группа хоть и пользуется большим влиянием, но вместе с этим немногочисленна. См.: РГИА. Ф. 853. Оп. 2. Д. 65. Л. 59. Другие источники, например казахские родословные (*шежире*), показывают иную перспективу. Многие поколения представителей казахской правящей элиты были потомками ходжей. Целый ряд таких родословных использовала в своей монографии И. В. Ерофеева. См.: *Ерофеева И. В.* Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. (история, историография, источники). Алматы: ТОО «Print-S», 2003. С. 75–171.

⁴ Сложно сказать, когда имперские чиновники стали проводить прямую связь между ходжами и суфиями и, таким образом, воспринимать и тех и других в качестве опасных с политической точки зрения деятелей. По крайней мере, в источниках 1840-х годов эти тенденции хорошо прослеживаются. См.: *Янушкевич А.* Путешествие в Казахскую степь / Пер. с пол. Ф. Стекловой. Алматы: Издательский Дом R. S., 2017. С. 216–217.

и фрагментарно¹. Так, спустя некоторое время после завершения следствия материалы из дела Мансурова были адаптированы представителями колониальной администрации и миссионерами к условиям новой политической конъюнктуры — реформы по ограничению деятельности исламских институтов в Казахской степи и проблемы христианизации казахов. Такой подход умаляет значимость этих архивных материалов как свидетельства особенностей эпохи и контекста, в условиях которой они были созданы. Одновременно с этим следует говорить и о другой перспективе. Историки часто забывают, что колониальный архив — это конгломерат информации, который необходимо упорядочить и подвергнуть тщательному критическому анализу. Именно поэтому отчеты чиновников, отдельные категории и понятия, содержащие исламофобские коннотации, не представляют собой репрезентативного знания. Они должны быть сопоставлены с кругом других источников и осмыслены через призму идей и культуры, которые формировали человека.

Так как в этой работе большое внимание уделяется деятельности разных чиновников и экспертов, задействованных империей для прояснения некоторых особенностей суфизма и запутанных обстоятельств дела Мансурова, мы должны уделить значительное внимание описанию самого характера властных отношений, специфике текущей конъюнктуры, понять мотивы и интересы, которые оказывали влияние на поступки людей. Анализ такого рода допускает разные подходы — например, ориентализм, который показывает, как научный аппарат, знания и опыт чиновников и востоковедов адаптировались к потребностям колониального управления². С этой точки зрения мы не исключаем, что

¹ Sartori P. A Sound of Silence in the Archives: On Eighteenth-Century Russians Diplomacy and the Historical Episteme of Central Asian Hostility // *Itinerario*. 2021. № 44 (3). P. 552–571. <https://doi.org/10/1017/S0165115320000340> (последнее обращение 12.02.2023).

² Халид А. Российская история и спор об ориентализме // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология* / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 311–323; Schimmelpenninck van der Oye D. *Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*. New Haven; London: Yale University Press, 2010; Эткин А. Бремя бритого человека, или внутренняя колонизация России // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 265–298; Knight N. Grigor'ev in Orenburg,

ориентализм поможет нам прояснить ряд аспектов деятельности некоторых героев этой работы. Однако следует учитывать и то обстоятельство, что особенности поведения личности не всегда предсказуемы, поскольку они формируются в условиях сложного исторического контекста, множества культурных и политических условностей. В этом отношении конфликты между разными уровнями колониальной администрации были обычным явлением. Природа этих конфликтов, как мы увидим, не всегда была связана с личными амбициями и борьбой за власть. Большую роль также играло культурное разобщение и отсутствие взаимопонимания. Если генерал-губернатор Западной Сибири Г. Х. Гасфорт воспринимал Мансурова только сквозь призму ограниченных и устойчивых стереотипов («бродяга», «лжеучитель»), то его подчиненные — ассессор В. К. Ивашкевич и заседатель Кокчетавского внешнего окружного приказа В. И. Очасальский, имевшие многолетний опыт службы в Казахской степи, — использовали различные подходы к организации следствия. Они понимали (или хотя бы имели общее представление), какое место в жизни казахов занимают суфизм и связи с его деятелями, и, следовательно, осознавали, к каким непредсказуемым последствиям для империи могут привести тотальные и ничем не обоснованные репрессии против ишанов, дервишей, шейхов. Именно поэтому некоторые чиновники не стремились форсировать события и действовали, полагаясь на здравый смысл и специфику регионального контекста. Щепетильность и показная забота о нуждах казахов при этом не лишали позицию этих чиновников ориенталистского оттенка — она просто была менее насильственной по своей сути. Обращая внимание читателя на подобные детали, мы должны понимать, что ориентализмов могло быть несколько. Некоторые востоковеды и чиновники могли идеализировать суфизм, противопоставляя «фанатичных» и «корыстолюбивых» ишанов XIX — начала XX века «духовно возвышенным» аскетам, философам и мистикам средневековой Средней Азии¹. Другие

1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. № 1. P. 74–100.

¹ См.: *Маллицкий Н.* Ишаны и суфизм // Туркестанский сборник. 1899. Т. 563. С. 98; *Туркестанские ишаны* // *Правительственный вестник*. 1898. № 227–228. С. 191.

не вдавались в такого рода сравнения, а просто опирались на текущую конъюнктуру и административную инерцию. Именно они задавали тон политическому дискурсу об угрозах мюридизма и стремились к тому, чтобы решать судьбы целых народов и цивилизаций¹.

Книга структурирована следующим образом: введение, заключение, четыре главы основной части и приложение. В главе 1 рассматриваются особенности восприятия суфизма имперскими чиновниками и востоковедами Российской империи. Ишаны, дервиши, мюриды, как правило, представлялись в качестве шарлатанов, религиозных фанатиков, опасных политических элементов. Такой субъективный образ был следствием невежества чиновников, игнорирования ими знаний, которые накопились в архивах, отложились на страницах научной и публицистической литературы. Ситуация с восприятием суфизма в Российской империи не была чем-то исключительным — она имела много общего с представлениями европейских колониальных империй. Обращая внимание на все эти особенности, мы пытаемся понять, через какие рамки и оптику смотрели имперские чиновники на суфизм в Казахской степи в конце XVIII — первой половине XIX века. Отличалось ли это восприятие определенной оригинальностью, учитывая особенности уклада жизни, обычаев и традиций кочевников, или опиралось на стереотипы и фантазии общего характера? В главе 2 речь идет об особенностях организации следствия по делу Мухаммада Шарифа Мансурова. Особое внимание мы обращаем на контекст, в котором возникла эта история. Информационная паника, связанная с активным распространением слухов и подозрений о деятельности ишанов, способных на почве религиозного фанатизма организовать массовые беспорядки в Казахской степи — и замедлить тем самым темпы продвижения Российской империи вглубь Средней Азии, — запускает репрессивный механизм. Власти арестовывают нескольких

¹ См. биографию востоковеда Н. В. Ханыкова (1822–1878), деятельность и труды которого оказывали большое влияние на политизацию суфизма в разных регионах Российской империи и за ее пределами (Средняя Азия, Кавказ, Персия): *Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф.* Н. В. Ханыков — востоковед и дипломат. М.: Наука (ГРВЛ), 1977.

ишанов, среди которых оказывается и Мухаммад Шариф Мансуров. Придавая особое политическое значение деятельности этого человека — опять же на основании слухов и противоречивых данных своих информаторов, Гасфорт инициирует большое следствие. Это следствие, тем не менее, не дает каких-то определенных результатов — не превращает подозрения и домыслы чиновников в улики и неопровержимые доказательства виновности Мансурова в распространении «нового магометанского учения» и организации политического заговора против империи. Полагая, что главная причина таких трудностей заключается в отсутствии опытных экспертов, способных понять казахские реалии и соотнести их со сложными перипетиями этого дела, власти привлекают к разбирательству асессора В.К. Ивашкевича. Этот чиновник, владевший казахским языком и много лет занимавший различные должности в администрации по управлению Казахской степью, пришел к выводам, которые поразили Гасфорта. Он недвусмысленно давал понять властям, что они преувеличивают значение этой истории: нет никакого заговора и тем более «нового магометанского учения», угрожающего интересам империи. Такого рода разногласия между чиновниками разных уровней не были, как мы считаем, обычной политической интригой. Они констатировали реалии иного рода: имперское управление не носило сбалансированного характера. Политические амбиции и административная инерция, демонстрируемые отдельными управленцами, не могли остаться незамеченными и создавали пространство для критики и формирования пусть и достаточно малозаметных, но все же альтернативных проектов. В главе 3 мы продолжаем разбирать особенности следствия по делу Мансурова. Выводы Ивашкевича не заставили Гасфорта и других имперских администраторов отказаться от попыток доказать вину Мансурова. Большой соблазн для чиновников представлял целый комплекс различных материалов, изъятых у ишана: писем, деловых бумаг, рукописей, книг на разных восточных языках. Перевод и разбор всех этих документов мог дать следствию, как считали колониальные чиновники, неоспоримые улики и таким образом стать кульминацией этого дела. Однако эксперты, привлеченные для работы с такого рода материалами, не сформировали какой-то

определенной и приемлемой для властей позиции. Переводчики, востоковеды, муллы, члены ОМДС во многом оказались заложниками своих собственных интересов. В итоге власти, приложившие столько усилий для организации следствия по делу Мансурова, вынуждены были под давлением Санкт-Петербурга прекратить разбирательство и вынести решение, которое не подтверждало, а, наоборот, опровергало подозрения Гасфорта и его окружения. В главе 4 внимание уделяется тому, каким образом разные акторы использовали документы из дела Мансурова, чтобы адаптировать их к обстоятельствам политической конъюнктуры второй половины XIX — начала XX века. В 1860-е годы к материалам следствия обращался чингизид Ч. Ч. Валиханов, который был экспертом правительства по вопросам преобразования местных религиозных и правовых институтов. Он привлек отдельные фрагменты из дела Мансурова для того, чтобы усилить свои аргументы, связанные с критикой деятельности татарских и среднеазиатских мулл и необходимостью исключения казахов из ведомства ОМДС. Некоторое время спустя — в 1870-е годы — уже в иных реалиях, когда активное обсуждение получает вопрос о развитии миссионерского дела среди казахов, представители Русской православной церкви находят свое применение делу Мансурова. Они создают и развивают специальный нарратив о том, что главным препятствием на пути христианизации казахов являются не местные культурные традиции и сложившийся уклад жизни, а деятельность татарских и среднеазиатских ишанов и мулл. Эта интерпретация в еще более радикальной форме — уже с примесью идей об угрозах панисламизма — получит развитие в начале XX века. Кроме этого, мы пытаемся показать, что ошибки и просчеты, допущенные в ходе организации следствия по делу Мансурова, мало чему научили имперскую администрацию. Во второй половине XIX — начале XX века чиновники еще не раз столкнутся с ишанами из Средней Азии. Оценка их деятельности и особенности разбирательства не опирались на какую-то систему знаний, а во многом зависели от прежних стереотипов и предрассудков, которые получали еще более фантастические очертания благодаря новой политической конъюнктуре — завоеванию Средней Азии и вызовам панисламизма.

Появлению этой работы во многом способствовала помощь наших коллег. Прежде всего мы выражаем свою благодарность Ульфату Абдурасулову, Норихиро Наганаве, Кертису Мерфи, Ариане Саджет, Никколо Пьянчолле, Светлане Ковальской и Джеймсу Бейли за полезные советы и рекомендации, которые позволили критически переосмыслить отдельные теоретические положения книги и пересмотреть содержание ее некоторых разделов. Болат Жанаев и Сергей Любичанковский оказали нам ценное содействие в ходе архивных изысканий.

Значительная часть работы была выполнена на базе Института иранистики Академии наук Австрии. Мы признательны руководству и научным работникам этого учреждения за плодотворное сотрудничество, помощь и интерес к нашему проекту. Большую роль в подготовке книги сыграл грант австрийского научного фонда (Joint Excellence in Science and Humanities Program), который обеспечил нас необходимыми ресурсами для организации исследовательской деятельности.